

Раздел 5

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

УДК 94(470.5).062/.063:37

А. М. Сафронова

**НАДЗИРАТЕЛИ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА:
КРУГ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С УЧИТЕЛЯМИ И УЧАЩИМИСЯ (1729–1730-е гг.)**

Публикуемые документы представляют собой ценные источники, позволяющие судить о конфликтных ситуациях, складывавшихся между надзирателем горнозаводских школ и подчиненными ему учителями. Они проливают дополнительный свет на личность Никиты Бахорева, исполняющего роль администратора школ, позволяют увидеть повседневную жизнь как учителей, так и учащихся екатеринбургских школ. В этих документах поднимаются важные вопросы о взаимоотношениях учителя и учеников, методах наказания и воспитания учащихся, об уважительном отношении к учителю и др.

Ключевые слова: Урал, горнозаводские школы, надзиратели школ, учителя, учащиеся, наказания, история повседневности.

Чтобы лучше понять и оценить содержание впервые публикуемых нами документов, приведем краткую справку об институте надзирателей школ, сложившемся на Урале в первой половине XVIII в. Первые школы, открытые при заводах в 1721 г., подчинялись Канцелярии горных дел, в 1723 г. ставшей Сибирским высшим начальством, Сибирскому обер-бергамту (1723–1734), а с октября 1734 г. – Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов. На низо-

вом уровне, согласно наказам заводским комиссарам Т. Бурцеву 1721 г. и Ф. Неклюдову 1723 г., школами ведали и эти должностные лица, что нашло отражение в главах этих наказов, специально посвященных контролю за деятельностью школ. По этой причине в 1723–1726 гг. документы о школах откладывались и в делах созданной Екатеринбургской заводской канторы, возглавляемой заводским комиссаром [Сафронова, 2014, с. 47]. С 1725 г. стали действовать лишь две екатеринбургские школы при заводах, в 1726 г. они перешли в непосредственное ведение Сибирского обер-бергамта.

Но в 1729 г. члены бергамта выразили недовольство частыми обращениями к ним учащихся школ и решили назначить специальное лицо, ответственное за деятельность школ. 10 июля К. Гордеев и С. Неелов определили: «понеже многие школьные ученики приходят во обер-бергamt и просят и докучают о своих разных нуждах мимо учителей», а определением начальника заводов В. И. Геннина 4 марта велено над арифметической школой надзирать вице-маркшейдеру князю Василию Горчакову, послать к нему указ, «чтоб он объявил арифметической и словесной школ учителем и ученикам, чтоб они о своих нуждах приходили и доносили ему, Горчакову, а он бы о тех их нуждах письменно предлагал в Сибирской обер-бергamt». Член бергамта А. Томилов ниже дописал: «и оные обе школы ведают и над мастерами команду иметь ему, князю Василию Горчакову» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 198, л. 244].

Горчаков собирал рапорты от учителей словесной и арифметической школ и передавал их начальству [Там же, д. 201, л. 291, 421 об.], об отношениях с учителями и учащимися документы обер-бергamt умалчивают. Лишь в октябре 1730 г. надзиратель школ проявил инициативу и в доношении начальству сообщил: «Посылаются многократно от разных повытьев Сибирского обер-бергamt кананеры и сторожи в словесную школу по учеников для переплету приказных дел, и которые ученики всегда бывают безпрестанно по повытьям у переплетов». Всегда ли это делалось по приказам обер-бергamt, неизвестно, указа «у нас» об этом не имеется, а ученики «в непонятии своих наук закоsnели». Горчаков просил прислать указ об отпуске учеников для переплета или «по соизволению» бергамта «на то учрежденных учеников определить», т. е. назначить конкретных лиц из них [Там же, д. 220, л. 272]. 2 ноября 1730 г. начальство отреагировало: запретило отпустить школьников для переплета без доклада обер-бергamtу, предписало найти кого-то из рассыльчиков или других грамотных людей, «кто переплетать обучит, понеже без того пробывать нельзя»; выяснить, нет ли переплетчиков в дистриктах, но пока люди не отыщутся и обучены не будут, «миновать нельзя, чтоб школьников к тому не брать» [Там же].

Через полтора года В. Горчаков по прошению, поданному в Берг-коллегию, получил разрешение об отпуске, так как «деревни ево бес призрения в конце разорились». Указом начальника заводов В. И. Геннина он был отпущен в Москву на год. Примечательно, что Горчаков 19 декабря 1730 г. сам ходатайствовал о назначении лица, которому мог бы передать смотрение над школами, «дабы по отъезде... чего впредь на нем не спросилось» [Там же, д. 201, л. 553].

23 декабря 1730 г. последовало решение начальства: «...над тою школою как в обучение, так и в протчем надзирать и смотрение иметь крепкое, дабы всегда они [ученики] при своих науках безотлучно были и мастера б их обучали, и они училися с прилежностію, и содержать их во всякой тихости и в добром порядке маркшейдерского дела ученику Андрею Татищеву. И во всем том поступать, как о том в прежних указах написано, и без ведома обер-бергамта из них никого из Екатеринбургх не отпускать и к себе ни на какую услугу, кроме их дела и обучения, не брать и не употреблять. А какие в той школе есть указы и инструкции, ведомости, также и инструменты, оное все описать», одну опись оставить в школе, другую подать в обер-бергамт» [Там же].

Но назначение А. Татищева оказалось неудачным. Уже через полмесяца, 7 января 1731 г., оно было отменено под предлогом: «ныне при маркшейдерском деле и сочинения чертежей только того маркшейдерского дела ученик один, он, Андрей Татишев, ибо маркшейдер Горчеков отпущен в дом свой на год, а берг-гешворен Кутузов посылаетца для горного дела в Илимск. А здесь случаютца частые по заводам и рудникам посылки для осмотра оных и сочинения чертежей. И кроме ево, Татищева, посылать будет иного некого, ибо знающих того дела иных нет. И за тем ему, Татищеву, над школами прилежного смотрения иметь будет некогда и невозможно» [Там же, д. 202, л. 3–4].

Поэтому начальство поручило школы члену обер-бергамта гитенфервальтеру Никифору Клеопину, освободив его от составления описи указов, инструкций, ведомостей, инструментов, это он должен был поручить учителям, им же и подать опись в бергамт. При этом предписывалось: «о всем ему мастерам репортовать ежедневно, и что он усмотрит, а без обер-бергамта учинить ему невозможно, о том ему представлять» и для того дать копию с этого определения или указ [Там же, л. 4]. Это означало, что учителя (мастера) должны были докладывать Клеопину ежедневно о школьных делах, а он мог давать им свои распоряжения, о важных вопросах представлять начальству.

8 октября 1734 г. заводы официально были переданы от В. И. Геннина новому начальнику, В. Н. Татищеву. Он сразу же начал хлопотать об открытии школ словесных, а по мере обучения детей грамо-

те – и арифметических при всех казенных заводах. 4 января 1735 г. В. Н. Татищев и советник А. Ф. Хрущов постановили: о посылке на все казенные заводы указов о постройке школ и обучении чтению и письму дьячкам или другим лицам, а арифметике и геометрии – шихтмейстерам. Одновременно было назначено лицо, ответственное за деятельность школ в Екатеринбурге, где предполагалось открыть и иноязычные школы: «Здесьнюю же школу иметь в особном смотре-нии главному межевщику Юдину и, о содержании оных написав правила, разослать» [Там же, д. 216, л. 16–18]. С этого времени Игнатий Юдин стал поднимать вопросы, касавшиеся организации школ в Екатеринбурге, перед членами Канцелярии Главного заводов правления. И делал это постоянно, в отличие от своих предшественников.

Историк Урала А. Г. Козлов приводит следующие данные о жизненном пути этого горного офицера, Игнатия Никитича Юдина (1691–1772): «С 1709 г. учился в немецкой школе, с 1711 г. был инженерным учеником, с 1717 г. работал кондуктором в Новгород-Волынске, Казани и других местах. С 1721 г. Юдин работал на Урале: сначала на Уктусских заводах, с 1723 г. при строении Пыскорских заводов, с 1735 г. в присутствии канцелярии Главного заводов правления главным межевщиком. В 1741 г. произведен в бергмейстерский чин. В 1759–1762 гг. и. д. начальника канцелярии Главного заводов правления» [Козлов, 1981].

Весной 1735 г. В. Н. Татищев по своей инициативе начал разработку Заводского устава, регламентирующего обязанности коронной администрации казенных заводов. Текст устава излагался от имени высшей императорской власти, поскольку предполагалось, что Заводской устав после апробации Анной Иоанновной станет законом. 22 мая 1735 г. текст восьми подготовленных лично Татищевым глав обсуждался на заседании Канцелярии, при этом отсутствовали советник Канцелярии А. Хрущов и главный межевщик И. Юдин: первый в это время осматривал Пермские заводы, второй – пильные мельницы. Они подписали устав позже: Юдин – 28 мая, А. Хрущов – 9 июня. 30 мая 1735 г. Татищев сообщил кабинет-министрам о составлении Заводского устава, 26 июня его текст был отправлен на высочайшее рассмотрение и утверждение [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 220, л. 121 – 121 об.].

В главе 6-й «О должности главного горного межевщика или обер-маркшейдера» Татищев впервые изложил обязанности этого должностного лица в отношении школ, которые он должен был осуществлять параллельно с надзором за межеванием лесов, прокладкой дорог, креплением горных копей, составлением геодезистами ландкарт всех уездов горного ведомства [Горный журнал, 1831]. Подобная практика поручения школ лицам, уже имевшим определенные

обязанности, была характерной для XVIII в. Отметим, что Татищев поручал контроль за школами лицу, выполнявшему работы квалифицированного, творческого характера.

Главный межевщик должен был проводить сбор детей в школы и контролировать ход их обучения, «чтоб такие младенцы напрасно времени не теряли и надмерным долговременно в школе держанием отягчены и науки им в омерзение приведены не были, того ради по временам росписать, когда и гулять имеют, однако ж и оно по разности возраста, ибо младенец 10 лет в день осми часов, а 6-летней и 6 часов летом без труда не сможет снести» [Там же, с. 316].

В этом предписании Татищева мы видим в зародыше такие важные теоретические положения педагогики, как необходимость разумного чередования учебы и отдыха, влияние правильной организации обучения на его результаты, на отношение детей к обучению; учет возрастных особенностей детского организма при определении часов обучения в день. Мы впервые сталкиваемся с попыткой ввести эти положения в нормы законодательства. Возможно, Татищев был первым, кто затронул эти проблемы в нашей стране.

В пункте 10-м «О порядке учения» Татищев сформулировал мысль о введении параллельного обучения учащихся предметам – «как скоро который (ученик. – А. С.) порядочно складывать научится, то есть когда первое младенцам учение или букварь внятно хотя и складом читать будет, то немедленно ему начать писать... а при том обучать в особливый час арифметике». Татищев обосновывает пользу параллельного обучения: оно способствует лучшему усвоению предмета (письмо «складыванию немалая помощь»), повышает заинтересованность в обучении, ускоряет сам процесс его – «тако по малу с большею охоток в кратчайшее время учиться может» и «к прилежности лучшая охота явится» [Горный журнал, 1831, с. 316–317].

В пункте 11-м «О содержании учеников» формулировались обязанности межевщика по контролю за учителями. Фактически здесь излагались требования к учителям, к их методам обучения и воспитания детей: «чтоб с младенцами не слабо и не жестко поступали, прилежно и внятно не токмо наукам, ремеслам принадлежащим, но страху божию и благочестному житию поучали, с ними ласково поступали и более любовно, нежели страхом обходились, и для того не токмо в школах, но и в гуляньи за ними надзирать и им игор вредных и досадительных не допускать» [Там же, с. 317], т. е. в целом предписывалось использовать гуманные методы обучения и воспитания.

В пункте «О училищах и припасах» содержались общие положения об обеспечении училищ помещениями (чтоб «покоями были

довольны и способны, а наипаче, чтоб не близко кабаков, но при церкви и к полю стояли»), книгами, инструментами (чтоб «оскудения не было»).

В обязанность межевщику вменялось: свидетельствовать учащихся, закончивших обучение, поощрять способных, «дабы чрез то к наукам всяк лучшую охоту имел», «а ленивых, непокорных и распутных принуждать, смирять и наказывать, колико возможно безоплошно, дабы злости из младенчества вкорениться не допустить», т. е. формулировалась мысль об умелом воздействии на учеников [Горный журнал, 1831, с. 316].

Положения этой главы Заводского устава об обязанностях главного межевщика были переданы И. Юдину в виде должностной инструкции еще до отправки устава верховной власти: 19 мая Татищев предписал дать «с должности ево написанной» копию и «по оной... в надзирании школ и прочем поступать» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 220, л. 142]. Так появилась специальная инструкция ответственного за деятельность школ члену коронной заводской администрации Игнатию Юдину, который исполнял эти обязанности на протяжении многих лет.

3 ноября 1735 г. на заседании Канцелярии заслушивались вопросы о результатах переписи детей, подлежащих обучению на территории горнозаводского ведомства, назначались учителя в словесную, арифметическую, знаменованную школы Екатеринбурга, уже прибыли учителя латинской, немецкой школ. В связи с расширением сети учебных заведений в помощь главному межевщику Юдину был назначен механик Никита Бахорев [Там же, д. 226, л. 11–13].

Жизненный путь Никиты Бахорева отражен в его челобитной, поданной в 1741 г. в Канцелярию о повышении жалованья [Там же, оп. 1. д. 952, л. 15 – 15 об.]. Он сообщал, что в 1722 г. был взят «в Академию московскую», т. е. в Московскую школу навигацких наук, в 1724 г. по именному указу Петра I «выслан» в академию в Санкт-Петербург, т. е. в Морскую. В 1724 г. был «из меркаторской науки» (изучения проекции изображения мира на плоскости картографа XVI в. Меркатора), отобран для обучения в Швеции в группе с другими учениками. Известно, что там под контролем Татищева с лета 1725 г. он обучался «машинному (а также столярному, токарному и кузнечному) делу» [Юхт, 1991, с. 320] и, как сообщает Бахорев, «обучил тщанием и своим коштом часть для вычета машин механики». В 1727 г. он прибыл с аттестатом в Берг-коллегию, был определен «для апробации в той науке» на Красносельский завод близ Петербурга с тем же жалованьем, что имел и в академии, 27 руб., но потом перенаправлен Берг-коллегией в Екатеринбург. На Урале в марте 1729 г. его

определили к «надзиранию над плотниками меховыми, столярными и токарными мастерами и в тех делах и самому присматриваться, чтоб впредь мог быть полным механиком». В ноябре 1732 г. Бахорев стал машинным подмастерьем с жалованьем 60 руб., по штату 1735 г. – механиком, имеющем собственных учеников, с годовым окладом 96 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 952, л. 15 – 15 об.] Таким образом, Никита Бахорев, ставший помощником Юдину, имел хорошее образование и на Урале стал признанным специалистом в области механики [см: Корепанов, 2005, с. 59–60].

В конце 1735 г. Юдин подал доношение в Канцелярию «о даче ему к правлению положенной на него должности подьячих и служителей, ибо ему одному одного управить и иметь в надлежащем действии[и], не можно». И 29 декабря 1735 г. Татищев «с товарищи» решили: «ко исправлению положенных на него, Юдина, дел, показанных в его должности, учредить особое повытье» в составе подканцеляриста и двух копиистов с жалованьем из штатных школьных сумм. В других повытьях Канцелярии таких дел не решать, чтобы при наведении справок «замешания и затруднения не было» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 277, л. 206–207]. Благодаря этому решению с 1736 г. стал формироваться комплекс т. н. «школьных книг», в которых подшивались документы, касающиеся школ: доношения и рапорты учителей надзирательно школ; доношения Юдина и Бахорева в Канцелярию; прошения учителей, учащихся и их родителей; копии протоколов о школах, указы Канцелярии и другие документы.

Изучение этих дел свидетельствует, что среди них, по сути, отсутствуют источники, позволяющие судить о личных взаимоотношениях надзирателей школ с учителями и учащимися. Поэтому публикуемые ниже документы, выявленные нами в первом «школьном» деле за 1736 г., представляют особую ценность [Там же, оп. 1, д. 624, т. 2, л. 417–423]. Они ярко демонстрируют взаимоотношения помощника И. Юдина, Никиты Бахорева, с учителями екатеринбургских школ, отражают его личные отношения с учениками, проливают дополнительный свет на личность Бахорева как исполняющего роль администратора школ, позволяют увидеть повседневную жизнь учителей, учащихся не только знаменованной и арифметической школ, но и словесной, механической. В этих документах поднимаются важные вопросы о взаимоотношениях учителя и учеников, методах воспитания учащихся, об уважительном отношении к учителю и др.

Из доношения Бахорева, поданного в Канцелярию в июле 1736 г., следует, что в отсутствие Юдина он посещал школы, и у него сложились непростые отношения с учителем знаменованной школы Мироном Аврамовым и арифметической – Федором Санниковым: они

«мало слушают» его, «при школах мало бывают и настоящего своего дела, что надлежит, не отправляют», на замечания не реагируют, более того, дают отповедь (документ № 1).

Из показаний же учителей следует, что Бахорев сам в это время редко бывал у обучения своих подопечных механике, поэтому не посещал и другие школы. Как показал Аврамов, Бахорев его «в школе мало видал», поскольку сам «к науке своей учеников всегда ретко хаживал и не более как однажды в неделю, а иной недели и не бывает» (документ № 2). Санников подчеркнул и следствие такого отношения: ученики Бахорева, что «научены были арифметик от учителя Каркадинова, и то все забыли, как я в апреле месяце усмотрел, а механики не токмо знать по нынешней месяц, они и начала не видали» (документ № 3).

Ясно, что Бахорев несправедливо использовал свои полномочия по контролю за учителями для наветов на них. Запретил Аврамову писать «картины» для церкви, хотя тот выполнял поручение, данное начальником заводов Татищевым. Приписал Санникову манкирование составлением рапорта об успехах учащихся в математике якобы из-за недостатка времени, хождения для обучения немецкому языку к ректору Штермеру.

Из сказки Санникова выясняется, что Бахорев недостойно вел себя по отношению к учителям словесной школы. Они были ссыльными (Арсений Иевлев, Логин Егоров, Никита Артемьев) [см.: Сафронова, 2014, с. 292], поэтому Бахорев с ними не церемонился, заигрывал с их учениками, приказывал им жаловаться на учителей лично ему, если те будут сечь их лозами, а сам наказывал не только учеников, но и учителей словесной школы: бил «пред учениками», покрывал «всякою матерною бранью». Санников ставит вопрос о пагубном влиянии Бахорева на этих учеников, переставших слушаться учителей, выполнять их задания, и даже на их отцов, перенявших от Бахорева манеру бранить учителей; угрожавших учителям жаловаться на них Бахореву. Санников сообщает о жестоких и унижительных методах наказаний, применяемых Бахоревым в отношении своих учеников механики, ставит вопрос о неприемлемости вмешательства Бахорева в наказания чужих учащихся (документ № 3).

Большой интерес представляют рассуждения Санникова о необходимости воспитания в учениках уважения к учителям: «во училище не токмо мужику, но и ему, Бахореву, надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость... Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит». Одновременно Санников ставит вопрос об отрицательной роли жестоких наказаний: «наказание жестокое ученику ничего в пользу придать не может, ежели от мастера смотра и учения хорошего искусного не будет» (документ № 3).

Публикуемые документы сообщают об изучении учителем математики Санниковым по собственному желанию основ немецкого языка, для чего он и ходил на занятия в класс немецкой школы к ректору Штермеру, о чем сообщили и Бахорев, и сам Санников.

Заметим, что лишь по прошествии трех месяцев, 23 октября 1736 г., члены Канцелярии вынесли решение по доношению Бахорева. Предписали за малые проступки наказывать учеников самим учителям, а о продерзостях и плутовстве доносить Юдину. Учителям смотреть за своей школой, «в чужое учение и порядки не мешаться», о своих ссорах доносить опять-таки надзирателю Юдину; если он сам не сможет разрешить ссору, предлагать в Канцелярию. Начальство уточняло, что в случае отъезда, Юдин должен поручать смотрение, «кому по указу надлежит», с уведомлением учителей, чтоб были послушны этому лицу. О том, как учителям «содержать учеников в школах, дать им приличные пункты» (документ № 4).

Известно, что 9 ноября 1736 г. В. Н. Татищев разработал «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» [Татищев, 1990, с. 235–243]. В свете вышеизложенного решения уральского начальства ясно, что Татищев сам взял на себя роль разработчика этой инструкции, которую историк педагогики А. А. Буров назвал лучшим уставом русской начальной школы, а самого Татищева выдающимся деятелем просвещения своего времени [Буров, 1960, с. 119–129; 1961, с. 117]. Так рассмотрение ссоры между надзирателем и учителями стало непосредственным поводом для рождения уникального памятника педагогической мысли, использовавшегося в уральских школах многие десятилетия.

Документы вводятся в научный оборот в соответствии с правилами публикации с сохранением орфографии, включением пропущенных букв и слов в квадратные скобки. Автором публикации расставлены и знаки препинания при передаче текста.

№ 1

1736, июля 10. – Доношение надзирателя екатеринбургских школ Никиты Бахорева в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов о непослушании ему учителей знаменовой школы Мирона Аврамова и арифметической Федора Санникова

В Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов от механика Никиты Бахорева доношение.

В прошлом 1735-м году ноября дня¹ по определению из Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов велено мне

¹ Определение Татищева с Товарищи состоялось 3 ноября 1735 г.

обучать механики и надзирание иметь надо всеми школами. А по тому определению, ежели не в отлучке когда бываю, механики обучаю и над всеми школами надзираю, также в небытность главного межевщика господина Юдина, что ево должности при школах [касается], отправляю.

Но ис того, как видно, что некоторые учителя мало слушают, а именно, живописной Мирон Аврамов, арифметической школы учитель Федор Санников, к тому же при школах мало бывают и настоящего своего дела, что надлежит, не отправляют. Да оной же Аврамов, когда в школу и придет, но токмо мало весьма работает, которым уже словесно неоднократно и сказывал. И из оных Аврамов сказал мне: поди де ты прочь, я де тебя не слушаю; а Санникову также довольно сказывал, чтоб он зделал третней репорт об арифметических школьниках для подания в Главную канцелярию да и в школу чтоб почаше ходил, которой сказал, что мне де недосук² и обучается в немецкой школе.

А особливо как в нынешнем году, июля 5 дня, усмотрел я арифметической школы ученика Горшкова, играл на улице и бросал палками и забросил одну палку на двор и чрез забор по ту палку лазил. И того Горшкова за ту ево бездельную игру в арифметической школе при ево других братии лозами и наказал, чтоб впредь и другие так не делали. А того ж месяца 7 числа означенной Санников пришел в арифметическую школу и говорил мне, для чего де ты моей команды лозами сек школьника? Ежели де впредь будешь так делать, и я де с тобою дурно зделаю, и надлежит де тебе об оном мне сказывать, а не самому их наказывать.

Того ради сим Канцелярии Главного правления покорно прошу, чтоб повелено было по оному моему доношению учинить резолюцию: и как впредь со оными учителя поступать, и школьников в добром порядке содержать, и надзирание над ними какое иметь, чтоб и впредь мне от того в каких неисправностях не остаться.

Июля 10 дня 1736 году.

Механик Никита Бахорев.

Помета на верхнем поле документа: Подано июля 10 дня 1736 году.

Помета: Записав, оных учителей призвать в Канцелярию и показанные от Бахорева непорядки от них были ль, взять с обстоятельством скаски.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 417 – 417 об.
Подлинник.

² Так в тексте.

№ 2

Сказка учителя знаменованной школы Мирона Аврамова

1736, июля 14

1736 году иулиа 14 дня в Канцелярии Главного правления заводов живописной учитель Мирон Аврамов сказал:

В небытность главного межевщика господина Юдина механику Никите Бахореву никакого непослушания он не чинил, а ко определенному своему делу на каждой день он приходил и указные часы высиживал. И данных ему учеников к знаменованию обучает безлестно и в том механической, знаменованной, немецкой и латынской школ на учеников шлетца.

И кроме оного обучения имеетца у него дело: писать живописное в церковь – образы, токмо оное стоит за неимением красок. А вышепомянутой механик Никита Бахорев приходил к нему в прежние покои господина генерала-порутчика Геннина, где он писал живописное тому назад месяца с три. И по приказу его превосходительства действительного статского советника Василья Никитича Татищева писал он разные картины. И усмотря у него, Аврамова, те картины, он, Бахорев, писать ему запретил. Токмо де он, Аврамов, при том ево запрещении говорил: тебе де до етова нужды нет и запрещать тебе не надлежало. Токмо он по тому ево запрещению те картины писать не стал и ту свою работу отставил.

А, может быть, что он, Бахорев, ево, Аврамова, в школе мало видал для того, что он [Бахорев] к науке своей учеников всегда ретко хаживал и не более как однажды в неделю, а иной недели и не бывает.

К сей скаске Мирон Аврамов руку приложил.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 418–418 об.
Подлинник.

№ 3

Сказка учителя арифметической школы Федора Санникова

1736 г., 26 июля

О непослушании оного доносителя Бахорева и о бытии моем мало при школе и о не отправлении настоящего моего дела, что надлежит, покорно отвечаю.

[1]. В потребном по указом порученном мне деле послушание ему, доносителю Бахореву, всегда представлял (кроме того, что бесполезно и не подлежит моей должности), и при школе бываю во всякой рабочей день два раза до полдня часа по полтора и по полудни три часа. А прочие часы употребляются в науках [по] надписанию ректора господина Штермера.

И в показанные часы я своим ученикам арифметические и геометрические члены по возможности охотно толкую и задаю. И кроме меня никто моим учеником не показывает, и тако положенное на меня дело исправлял. И оной Бахорев доносит то все несправедливо, для чего во оправдание и для подлинного свидетельства предъявляю всех учителей словесной руской школы.

2. О третнем репорте о науках 3 числа сего месяца он, Бахорев, меня спрашивал, и я ему, Бахореву, сказывал, что у меня репорт давно готов. И он сказал, что де от других школ еще не подано, да и от него, Бахорева, также в подании нет, и в то время одного от меня не взял.

3. О наказании школьника Горшкова я ему, Бахореву, говорил, для чего он чрез меня моих учеников наказывает и хочет так же сделать, как и в словесной [школе] учинил. И он сказал о себе, что я де главной камандир и впредь буду сечь, да и тебя де выбью батожем, а и взять де будет негде.

И на то я ему сказал, что из того, ежели у детей много учителей будет, которые сами не разумеют или не смыслят, дурно будет, а не так, как он написал, [будто] ему я дурно сделаю. И описанные речи сказывал ему для того, что оной доноситель, как видно, в школах порядку не знает и токмо более в науках чинит помешательство.

1. Выждав меня из школы, когда я пойду в науку к господину ректору, то придет в школу и моим учеником приказывает писать письма посторонние, а что им в науке задано от меня, того они не делают.

И я, желая не допустить, чтобы и мои ученики не были наукою таковы ж не достаточны, как и ево ученики (кои не токмо чтоб от него получили в пользу науки механики в бытность ево, но что научены были арифметик от учителя Каркадинова, и то все забыли, как я в апреле месяце усмотрел, а механики не токмо знать по нынешней месяц, они и начала не видали), и чтоб в наказании с моими учениками так же не поступал, как со оными поступает, что я видял³ при Кушвинском заводе.

Ученика Галкина обучал делать чертежи, и что у них неисправно делается, то ученика бьет беспорядочно, харкает и плюет ему в глаза, и пинает ногами и, взяв за волосы, бросает о землю, и топчет, что де-

³ Так в тексте.

ывал часто. Да еще же и того глупые, что оному ученику велит сесть на пол и велит выпучить глаза и кричать ханжинским голосом пред многими людьми.

А признается мне, что фундамент есть детского учения – порядочное их содержание и всегдашнее прилежное смотрение, а за неисправность можно словесное и легкое лозное наказание чинить, а не надмерное, яко палкою и протчим, что у него ж водится. Ибо наказание жестокое ученику ничего в пользу придать не может, ежели от мастера смотрения и учения хорошего искусного не будет.

2. Тако ж де он желает в арифметической школе свой порядок установить, как в русской словесной школе от неимения довольнаго разсуждения учинил, ибо приказывает ученикам, что ежели де вас учителя будут сечь лозами, то жалуйтесь мне. И ныне ученики учителя не опасаются, что им задано будет, не обучают, а наказание он учеником чинит кроме учителей. А учителей пред учениками бьет, бранит всякою матерною бранью и называет канальями. И такой непорядок в словесной школе учинил, что тех учеников отцы, приходя в школу, учителей бранят матерно, угрожая им Бахоревым.

Что во училище не токмо мужику, но и ему, Бахореву, надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость, а не такую, как ныне чинит. Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит. И ежели впредь смотрение вручено будет ему, Бахореву, то учеником не токмо что науки в пользу придаться, но и благословенно от Бога природной разум утратиться может ево неискусным учением.

Июля 26 дня 1736 году

Учитель Федор Санников руку приложил.

Помета: Учиня из сего дела экстракт, предложить⁴.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 419–420.
Подлинник.

⁴ «Экстракт о непослушании механика Бахорева учителями Санниковым и Аврамовым и о протчем» (л. 421–422) повторяет содержание документов № 1–3, поэтому опускается.

№ 4

Определение Канцелярии Главного заводов правления о наказании учеников своим учителем, о невмешательстве учителю в порядок преподавания в другой школе, рассмотрении продерзостей учеников и ссор учителей главному межевщику И. Юдину, в его отсутствие учителям быть послушными его заместителю, составлении пунктов учителям о содержании школьников

1736, 23 октября

1736 октября в 23 день по указу Е. И. В. в Канцелярии Главного заводов правления слушав экстракта, учиненного по доносу механика Бахорева о непослушании его учителями Санниковым и Аврамовым, из которого усмотрено, что у них меж собою одно несогласие произошло и тем только нанесен напрасной труд Канцелярии, что было можно розобрать и на словах, согласно определили:

Учителем учеников за приключившиеся при учении небольшие вины наказывать самим, а буде явятся в какой продерзости или плутовстве, о том им, учителям, доносить главному межевщику Юдину.

И учителю всякому смотреть свою школу, а в чужое учение и порядки не мешаться, и в своих ссорах письменно или словесно доносить ему ж, Юдину. А ему те ссоры их разсматривать и чего не может решить сам, о том предлагать в Канцелярию Главного заводов правления.

А в небытность его, Юдина, за отлучками, поруча свое смотрение, кому по указу надлежит, с объявлением учителем, дабы оному были послушны. А как учителем содержать учеников в школах, дать им приличные пункты, и о том им, учителем, Бахореву, Аврамову и Санникову, объявить и куда надлежит, собсчитать.

На подлинном определении подписано тако: Андрей Хрущов, Никифор Клеопин.

Протоколист Евдоким Яковлев

Помета: Для исполнения дана в школьное повытье.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 423.
Копия.

Буров А. А. Первый устав русской народной школы // Советская педагогика. 1960. № 6. С. 119–129.

Буров А. А. В. Н. Татищев – выдающийся деятель просвещения первой половины XVIII в. // Советская педагогика. 1961. № 5. С. 110–120.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 8. С. 316–319.

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1981.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.

Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990.

Юхт А. И. Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Ист. записки. 1971. Т. 88. С. 296–335.

УДК 94(47).073:37

Т. Н. Кандаурова

АГРАРНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ЮГА РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ФЕРМЫ НОВОРОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ

1840–1850-е гг. были отмечены расширением образовательной системы военных поселений кавалерии юга России, в этот период здесь были созданы новые аграрные учебные заведения – Чугуевская сельскохозяйственная школа и земельные учебные фермы в п. Новая Прага и г. Новомиргороде для подготовки специалистов-агрономов и животноводов в помощь военным поселянам. Представленные в публикации отчетные материалы Новопржевальской и Новомиргородской земельных ферм позволяют детализировать процесс развития учебных заведений данного профиля в поселенных кавалерийских округах, полнее охарактеризовать систему обучения в них, включая практическую базу, а также процесс социализации детей поселян – военных кантонистов и повседневную жизнь учащихся и персонала учебных ферм.

Ключевые слова: аграрные учебные заведения, Департамент военных поселений, военные поселения, сельскохозяйственная школа, земле-